

## From the Great Revolution to the Great Terror

## DE LA GRANDE RÉVOLUTION À LA GRANDE TERREUR

## От Великой Революции до Большого Террора

В.П.Сапон<sup>1</sup>

**Abstract:** The Great Russian revolution, culminating in the events of 1917-1918, involved thousands of the “ordinary people” in the political process. The most radical of them formed the core of extreme left-wing parties and organizations. It seemed that these political forces, which eliminated the “bourgeois-democratic” Provisional Government in October of 1917, found the shortest way to the ideals of freedom and social justice. In reality, the relatively short historical period, launched by the Great Revolution ended in the “Age of the Great Terror” in late 1930s. Moreover, victims of political terror were not only the Bolsheviks themselves, but many of their allies in the “Left bloc”. The fate of some former Nizhegorod Left SRs and the Anarchists in post-revolutionary period is described in the article.

**Key words:** the Great Russian revolution; Nizhegorod Left SRs and the Anarchists; the “Age of the Great Terror”

**Résumé:** La Grande Révolution russe, le culminant des les événements entre 1917-1918, a impliqué des milliers de *gens ordinaires* dans le processus politique. Les plus radicaux d'entre eux formaient le noyau des parties et des organisations d'extrême droite. Il semble que ces forces politiques qui ont éliminé le Gouvernement *bourgeois-démocratique* provisoire en Octobre 1917, ont trouvé le chemin le plus court pour les idéaux de liberté et de justice sociale. En réalité, cette période historique relativement courte, a commencé avec la Grande Révolution et terminé dans *l'Age de la Grande Terreur* à la fin des années 1930. En outre, la terreur politique atteint non seulement les bolcheviks eux-mêmes, mais aussi beaucoup de leurs alliés

---

<sup>1</sup>Нижегородский государственный университет, Россия

\* Received 5 August 2009; accepted 25 August 2009

dans *le bloc de gauche*. Le sort de certains socialistes-révolutionnaires de gauche de Nizhegorod et des anarchistes dans la période post-révolutionnaire est décrit dans cet article.

**Mots-Clés:** la Grande Révolution russe; des socialistes-révolutionnaires de gauche de Nizhegorod et des anarchistes; l'Âge de la grande terreur

**Аннотация:** Великая Российская революция, кульминацией которой стали события 1917–1918 гг., вовлекла в политический процесс многотысячные массы простых людей. Наиболее радикальные из них составили костяк крайних левых партий и организаций. Казалось, что именно эти политические силы, ликвидировавшие буржуазно-демократическое Временное правительство в октябре 1917 года, указали наиболее короткие пути к осуществлению идеалов свободы и социальной справедливости. В реальности же сравнительно короткий исторический отрезок, началом которого стала Великая революция, завершился «эпохой Большого террора». Причем, жертвами политического террора оказались как сами большевики, так и многие их союзники по «левому блоку». О судьбе ряда бывших нижегородских левых эсеров и анархистов и идет речь в статье.

**Ключевые слова:** Великая российская революция; нижегородские левые эсеры и анархисты; «эпоха большого террора»

Великая Российская революция, кульминацией которой стали события 1917–1918 гг.<sup>2</sup>, вовлекла в политический процесс сотни тысяч представителей «простонародья»: именно молодые рабочие, крестьяне, мещане приняли активнейшее участие в свержении самодержавия, в «конструировании» структур демократической власти, созидании основ новой жизни. Наиболее радикальные и энергичные из них составили костяк организаторов и руководителей крайних левых партий и организаций России: большевиков, левых эсеров, максималистов, анархистов. Казалось, что именно эти политические силы, совместными усилиями ликвидировавшие буржуазно-демократический режим осенью 1917 года, предложили российским трудящимся наиболее эффективные средства решения наболевших общественных проблем, указали наиболее короткие пути к осуществлению идеалов свободы и социальной справедливости. В реальности же сравнительно короткий исторический отрезок длиной в одно человеческое поколение, началом которого стала Великая революция, завершился «эпохой Большого террора». Причем, жертвами политического террора оказались как сами «организаторы победы» – большевики, так и многие их бывшие союзники по «левому блоку». О судьбе ряда эсеров-интернационалистов и анархистов, которые играли видную роль в революционно-освободительном движении в Нижегородской губернии, мы и хотели бы рассказать в этом докладе.

Крупной фигурой в Сормовской районной и Нижегородской губернской организации *левых эсеров* в первые послереволюционные годы был **Василий Николаевич Кисляков** (1887–2.11.1942). Еще в 1905 г. он вступил в Сормовскую организацию Партии социалистов-революционеров (ПСР), вскоре стал кружковым организатором, затем районным организатором партии. В 1905 г., по его словам, участвовал в баррикадных боях. В 1906 г. являлся уполномоченным Союза металлистов в Сормове. В 1908 г. после очередной забастовки был уволен из Сормовского завода, в том же году его призвали на военную службу. В 1908–1913 гг. служил на Балтийском флоте мотористом. В 1913 г. вернулся в Сормово, вел работу по восстановлению местной организации ПСР. В 1914 г. его призвали на

---

<sup>2</sup> Подробная трактовка указанных событий изложена нами в: Сапон В.П. Терновый венец свободы. Либертаризм в теории и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.): Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008.

военную службу: служил на крейсере «Петропавловск», организовал на корабле партийный кружок. В апреле 1917 г. после раскола эсеровской партии Гельсингфорсская группа ПСР, в которой состоял В.Н. Кисляков, примкнула к эсерам-интернационалистам. В начале марта 1917 г. он принял участие в восстании в Гельсингфорсе; был избран председателем корабельного комитета «Петропавловска», членом Гельсингфорского совета рабочих, матросских и солдатских депутатов. 23 апреля 1917 г. Василия Николаевича избрали в Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт), до января 1918 г. он выполнял обязанности председателя Центробалта 3-го созыва. 13–14 октября 1917 г. матросский делегат принял участие в работе Северного областного съезда Советов в Петрограде. Во время Октябрьской революции 1917 г. он был введен в Гельсингфорсе в революционную «семерку» по организации отрядов моряков для отправки в Петроград. В июле 1918 г., когда В.Н. Кисляков вернулся в Сормово, товарищи избрали его председателем цехового комитета. В сентябре 1918 г. Василий Николаевич был направлен Союзом металлистов в губернский комиссариат труда для организации инспекции труда, где проработал инспектором, заведомом охраны труда до 1920 г.<sup>3</sup> Бывшего председателя Центробалта арестовали 6 апреля 1919 г., после чего он в течение четырех месяцев находился под арестом в московской Бутырской тюрьме<sup>4</sup>. Арест левозеро-активиста оказался достаточно краткосрочным, так как за него вступился республиканский нарком труда В.Я. Шмидт, заявивший в своем запросе в ЧК, что «изъятие... такого добросовестного работника принесет громадный ущерб делу Охраны Труда»<sup>5</sup>.

В том же году Василий Николаевич вышел из Партии левых социалистов-революционеров–интернационалистов (ПЛСР (и)), так как, по его собственным словам, пришел к выводу, что «тактика и программные вопросы у партии изменились и кроме вреда для рабочего класса такая политика ничего не дает»<sup>6</sup>. В 1920–1921 гг. бывший заведующий Нижегородским отделом труда работал инспектором-контролером в Наркомате труда в Москве, в 1921–1922 гг. – на аналогичной должности в Нижнем Новгороде. В 1922–1923 гг. В.Н. Кисляков – председатель завкома Нижполиграфа. Осенью 1923 г. Василий Николаевич вступил в ряды РКП (б), после чего успешно продолжил свою административную карьеру. В 1924 г. он – член правления Союза печатников, член РКК при типографии Нижполиграф. С декабря 1924 г. до 1926 г. – директор фабрики-школы им. В.И. Ленина. В 1926 г. назначен управляющим стекольным заводом в г. Балахне<sup>7</sup>.

К моменту ареста (9 июля 1938 г.) В.Н. Кисляков состоял в рядах ВКП (б), хотя уже не занимал высоких постов (работал мастером цеха № 3 завода № 92 в Нижнем Новгороде). Его обвинили в том, что он возглавлял подпольный эсеро-центр, а также в подготовке покушения на наркома внутренних дел Н.И. Ежова, который в декабре 1937 г. побывал в г. Горьком в связи с выдвижением его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР<sup>8</sup>. Военным трибуналом Московского военного округа 27 ноября 1939 г. бывший председатель Центробалта был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ); умер в Буреполомлаге 2 ноября 1942 г.<sup>9</sup>

<sup>3</sup> Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее: ГОПАНО). – Ф. 1. – Оп. 5а. – Д. 1889. – Лл. 5 (об)–7.

<sup>4</sup> По свидетельству известного нижегородского большевика И.А. Богданова, брат В.Н. Кислякова Николай, правый эсер, командовал полком в колчаковской армии (см.: ГОПАНО. – Ф. 244. – Оп. 2. – Д. 94. – Л. 55). Возможно, арест В.Н. Кислякова был связан с деятельностью его брата.

<sup>5</sup> Цит. по: Леонтьев Я.В. «Я вырос в Сормове, боролся против царизма на баррикадах...» (биография председателя Центробалта и Сормовского эсера В.Н. Кислякова) // Революции 1917 г. в России: уроки истории и политики: Материалы Межрегиональной научной конференции (Нижний Новгород, 16 ноября. 2007 г.). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – С. 60.

<sup>6</sup> ГОПАНО. – Ф. 1. – Оп. 5а. – Д. 1889. – Л. 6.

<sup>7</sup> Там же. – Лл. 5–7 (об).

<sup>8</sup> См.: Леонтьев Я.В. Указ. соч. – С. 62.

<sup>9</sup> Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. – Т. 4. – Н. Новгород, 2003. – С. 223.

Благополучно на первых порах сложилась и судьба бывшего руководителя Сормовского комитета ПЛСР (и) **Ивана Сергеевича Ревина-Рудина** (7.09.1887 – после 1955 г.). Из его автобиографии следует, что в 1903–1907 гг. он работал в столярных мастерских Нижнего Новгорода, затем поступил на работу в Сормовский завод. В том же году сблизился с эсерами. В 1908–1912 г. находился под надзором полиции. На время уехал на Кавказ. С 1913 г., снова поступив на завод в Сормово, стал работать в организации ПСР. В 1917 г. при расколе партии И.С. Ревин примкнул к левым эсерам. В 1917–1918 гг. он работал в Сормовском совете рабочих депутатов<sup>10</sup>, выполнял обязанности члена контрольной комиссии завкома. В 1919 г. служил добровольцем в пулеметной команде по охране Нижнего Новгорода. В 1920–1921 гг. работал инспектором труда в Лукоянове, затем – рабочим на различных заводах Нижнего Новгорода. В этот период Иван Сергеевич неоднократно подвергался репрессиям как левый эсер: в 1919 г. (полгода тюремного заключения), в 1920 г. (три месяца), в 1922 г. (два месяца). В мае 1923 г. в докладе одного из ответственных работников Нижегородского губернского отдела ОГПУ отмечалось, что левые эсеры «проявляют некоторую деятельность, но она пока что выражается только в создании ими кружка самообразования, с какой целью на квартире Ревина-Рудина было два собрания...»<sup>11</sup>. Несмотря на столь неблагонадежное поведение, в сентябре 1923 г. И.С. Ревина-Рудина приняли в ВКП (б). Будучи коммунистом, он последовательно возглавлял уездные советы профсоюзов в Лыскове и Арзамасе<sup>12</sup>. Судя по всему, к партийным поручениям подходил со всей ответственностью и добросовестностью. Так, в январе 1928 г. бюро Арзамасского уездного комитета ВКП (б) характеризовало И.С. Ревина-Рудина следующим образом: «С работой Пред[седателя] Упрофбюро т. Ревин вполне справляется, проявляет большую инициативу. Энергичный. Под его руководством работа профсоюзов несомненно улучшилась, особенно в части культработы. Пользуется авторитетом среди рабочих и служащих. Подбирать работников может, руководить также. В партработе тов. Ревин участвует активно, как член Бюро Укома ВКП (б). Как партиец тов. Ревин дисциплинированный, уклонов нет. Используется на работе целесообразно, выдвижению не подлежит»<sup>13</sup>.

В 1938 г. Иван Сергеевич работал мастером-бригадиром в мебельной артели имени 3-й пятилетки в г. Горьком. Он был арестован 27 апреля 1938 г. по обвинению в активном участии в конспиративной эсеровской работе<sup>14</sup>. Несмотря на применение пыток со стороны следователей, И.С. Ревин-Рудин (так же как и другие обвиняемые по этому делу: И.Г. Петров, П.К. Чернышев, В.Н. Кисляков) не признал себя виновным в контрреволюционной деятельности в послезерсовский период своей политической жизни<sup>15</sup>. Тем не менее Военным трибуналом Московского военного округа он, а также И.Г. Петров и П.К. Чернышев были приговорены к 10 годам ИТЛ. Решением Особого Совещания (ОСО) при НКВД 9 июня 1945 г. срок заключения И.С. Ревина-Рудина снизили на один год. Он был освобожден 27 апреля 1947 г. В 1952 г. проживал в г. Воркуте, работал модельщиком на Воркутинском механическом заводе. 4 октября 1952 г. Особым совещанием был приговорен к ссылке на поселение в Коми АССР<sup>16</sup>. По сведениям московского историка Я.В. Леонтьева, Ивану Сергеевичу «удалось дожить до реабилитации в 1956 г. и рассказать прокурорским работникам о том, как производилось следствие над ним и его товарищами»<sup>17</sup>.

Уроженец с. Большое Козино Балахнинского уезда Нижегородской губернии **Петр Никанорович Соловьев** (1888 – 26.11.1937) в эсеровскую партию вступил в 1917 г., а в 1918

<sup>10</sup> ГОПАНО. – Ф. 244. – Оп. 2. – Д. 1025. – Л. 1 (Список членов Сормовского второго Совета рабочих депутатов).

<sup>11</sup> Цит. по: Леонтьев Я.В. Указ. соч. – С. 61.

<sup>12</sup> ГОПАНО. – Ф. 1. – Оп. 5а. – Д. 3941. – Лл. 1, 3–5 (об).

<sup>13</sup> Там же. – Л. 7.

<sup>14</sup> См.: Леонтьев Я.В. Указ. соч. – С. 62.

<sup>15</sup> См.: там же.

<sup>16</sup> Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. – Т. 7. – Н. Новгород, 2005. – С. 459.

<sup>17</sup> См.: Леонтьев Я.В. Указ. соч. – С. 63.

г. стал левым эсером. В 1919 г. он жил в с. Бор, работал сборщиком в судостроительном цехе завода «Теплоход»; в этом же году находился под арестом в течение двух месяцев.

Последняя «волна» массовых вступлений бывших членов небольшевистских социалистических партий в РКП (б) пришлось на 1923 год. Именно в это время в Нижегородский губком из уездных организаций РКП (б) направляются характеристики на бывших членов неонароднических партий: вероятно, на предмет их возможного привлечения в ряды правящей партии. Вот что уполномоченный ГПУ по Сормовскому уезду писал о П.Н. Соловьеве: «... Состоял членом партии [эсеров] [...] с 1917 года примыкал к группе правых [,] с 1918 г. к левым. Принимал участие в Кронштадтском восстании [,] не однократно арестовывался. До разложения [партии левых эсеров] вел себя вызывающе к нашей организации. Во время последней забастовки на [Сормовском] заводе принимал активное участие и призывал рабочих не работать и даже в то время, когда рабочие приступали к работе [,] он все же не работал»<sup>18</sup>.

В 1925 г. Петр Никанорович жил в Нижнем Новгороде, работал разметчиком на заводе «Красное Сормово»; в этом же году находился под арестом один месяц. В 1937 г. был направлен на работу в Ленинград, работал техником, бригадиром судовых разметчиков на заводе № 196. Арестован 7 июля 1937 г. Приговорен «тройкой» к высшей мере наказания. Расстрелян 26 ноября 1937 г.<sup>19</sup>

В отличие от П.Н. Соловьева, ряд его бывших соратников-неонародников оказались достойными кандидатурами для вступления в правящую партию. 14 июня 1923 г. на заседании бюро Нижегородского губкома РКП (б) для связи с Бюро бывших эсеров выделили специальное лицо: им стал не кто иной, как ответственный секретарь губкома Н.А. Угланов<sup>20</sup>. Он должен был оказать всяческое содействие подготовке губернской конференции по ликвидации партии эсеров<sup>21</sup>. Вскоре после проведения указанной конференции (она состоялась 29 июля 1923 г. в Сормове) целые группы бывших левых эсеров принимаются в ряды Коммунистической партии. Так, в одном из дел Сормовского уезда РКП (б) имеется список восьми человек (И.П. Фомичев, И.С. Рудин, В.И. Юрлов, Д.О. Недзвецкий, В.Н. Кисляков, Т.И. Политимский, И.Д. Кропинов, М.М. Благин), принятых на заседании бюро губкома 24 сентября 1923 г. непосредственно в члены РКП (б)<sup>22</sup>. В тот же день и тем же органом 15 бывших неонародников были приняты в партию большевиков в качестве кандидатов<sup>23</sup>.

Многие из них в «эпоху Большого террора» не сумели сохранить свободы и даже жизни, несмотря (а может быть «благодаря») на своевременное вступление в ряды партии-победительницы. В частности, помимо упомянутых выше В.Н. Кислякова, И.С. Ревина, можно назвать еще **Дмитрия Осиповича Недзвецкого** (1891–26.11.1937), который был арестован 4 сентября 1937 г. (в это время он работал управляющим Горпроекта при Горьковском городском совете) и после приговора «тройки» расстрелян 26 ноября того же года<sup>24</sup>. **Матвей Михайлович Благин** (в указанный период – рабочий завода «Красное

<sup>18</sup> ГОПАНО. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 121.

<sup>19</sup> Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. – Т. 2. – Н. Новгород, 2001. – С. 625.

<sup>20</sup> Николай Александрович Угланов (1886–1837) возглавлял Нижегородский губком РКП (б) в феврале 1922 – августе 1924 гг. С 1921 г. он – кандидат в члены ЦК, с 1923 г. – член ЦК ВКП (б), в 1926–1929 гг. – кандидат в члены Политбюро. За участие в «правом уклоне» был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро, члена Оргбюро и секретаря ЦК ВКП (б). Впоследствии неоднократно арестовывался. 31 мая 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 633.

<sup>21</sup> ГОПАНО. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 49 (об).

<sup>22</sup> ГОПАНО. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 188. – Л. 191.

<sup>23</sup> Там же. – Л. 192. – Примечательно, что один из них, С.Л. Ялович, должен был проходить кандидатский стаж в течение 2 лет, все остальные – в течение 6 месяцев.

<sup>24</sup> Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. – Т. 8. – Н. Новгород, 2005. – С. 209. – В 1922 г. Д.О. Недзвецкий наряду с С.Е. Багаевым и О.Ф. Серовым сформировали Нижегородское

Сормово») был арестован 9 декабря 1937 г. Через две недели был приговорен «тройкой» к десяти годам ИТЛ<sup>25</sup>.

Российских *анархистов* события 1917–1918 гг. также развели в разные стороны: кто-то, несмотря на прежние революционные заслуги, был отторг от активной политики; другие сумели сохранить или даже повысить свой политический статус – путем решительной смены партийной принадлежности.

Секретарь Нижегородской губернской федерации анархистских групп **Михаил Моисеевич Бляшко** (1892(1893)–27.01.1938) оказался среди тех, кто в послеоктябрьский период не смог примкнуть к правящей партии<sup>26</sup>. Уроженец Варшавы, он начал конспиративную деятельность в 1907 г.: сначала в Польской социалистической партии (ППС), затем в еврейских профсоюзах при Бунде. В 1908 г. Михаил познакомился с анархистами, в этом же году во избежание ареста эмигрировал за границу. В поисках работы скитался по Германии, Бельгии, Франции; в Париже получил материальную поддержку от анархистов. В 1909 г. по поручению Парижской группы «Хлеб и Воля» был направлен с группой товарищей в Россию. Вернулся в Варшаву, организовал анархистскую группу на металлургическом заводе. 18 января 1911 г. при изготовлении бомбы М.М. Бляшко был легко ранен, арестован и препровожден в Варшавское охранное отделение. В 1914 г. Варшавская судебная палата приговорила его к 18 годам каторжных работ за принадлежность к анархистам-коммунистам и участие в террористических актах (срок уменьшили на треть в связи с несовершеннолетием Бляшко). В 1914–1917 гг. сидел в Варшавской цитадели – по соседству с Ф.Э. Дзержинским, в 1917 г. переведен во вновь отстроенную тюрьму в Нижнем Новгороде<sup>27</sup>.

1 марта 1917 г. узники Нижегородской тюрьмы, и в их числе бывший варшавский террорист, были освобождены «волей трудящихся [и] пролетариата»<sup>28</sup>. С марта до сентября 1917 г. освобожденный анархист работал помощником слесаря в Центральной телеграфно-телефонной мастерской Нижнего Новгорода; был избран секретарем завкома и уполномоченным от профсоюза металлистов. Позднее перешел на работу на электростанцию. Вскоре после освобождения приступил к созданию Нижегородской федерации анархистов-коммунистов (стал в ней ответственным организатором и секретарем), совместно с П. Строевым приступил к изданию и входил в редколлегия губернской анархистской газеты «Под черным знаменем» (1918 г.)<sup>29</sup>.

С 30 октября 1918 г. М.М. Бляшко – инструктор труда, позднее работал инструктором социального страхования в Общегородской страховой кассе. Подвергался арестам как анархист в Москве и Нижнем Новгороде<sup>30</sup>. Активно проявил себя в Нижегородском отделении Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, откуда его, однако, исключили 12 апреля 1927 г. «как привлеченного не по политическому делу»<sup>31</sup>.

До ареста Михаил Моисеевич работал сменным мастером на заводе «Труд». Его арестовали 11 августа 1936 г., освободили 31 октября того же года. Он вновь был арестован 29 августа 1937 г., находился в Горьковской тюрьме. В обвинительном заключении перечислялись следующие «преступления» «кадрового анархиста»: «4 Отделу УГБ УНКВД [Горьковской области] стало известно, что бывш[ий] секретарь Нижегородской ассоциации анархистов – БЛЯШКО Михаил Моисеевич, среди окружающих его ведет к-р пропаганду.

оргбюро Объединенной ПЛСР (интернационалистов и синдикалистов). См.: Леонтьев Я.В. Указ. соч. – С. 60.

<sup>25</sup> Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. – Т. 3. – Н. Новгород, 2003. – С. 172.

<sup>26</sup> Хотя в 1924 г. в одной из своих анкет он отметил: «Подано заявление в Губком РКП о приеме меня в партию» (Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). – Ф. 533. – Оп. 3. – Д. 280. – Л. 1). Кстати, в этой же анкете, в разделе «национальность» он написал: «интернационалист» (см. там же).

<sup>27</sup> ГАРФ. – Ф. 533. – Оп. 3. – Д. 280. – Л. 8.

<sup>28</sup> Там же. – Л. 8.

<sup>29</sup> Там же. – Лл. 2, 26 (об).

<sup>30</sup> Там же. – Л. 4 (об).

<sup>31</sup> ГОПАНО. – Ф. 245. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 118.

Произведенным расследованием установлено, что БЛЯШКО будучи враждебно настроен к Сов[етской] власти, систематически высказывал клеветнические измышления против руководителей ВКП (б) и Советского правительства, против стахановского движения и других мероприятий, проводимых в стране...

... Кроме того установлено, что БЛЯШКО в к-р целях до дня своего ареста, т.е. до 1936 года сохранял 1.400 экз. резко контр-революционных, анархо-террористических газет и журналов, изъятых обыском при его аресте.

БЛЯШКО находился в близкой связи с активным троцкистом, ныне осужденным – ПРИКЛОНСКИМ»<sup>32</sup>.

Комиссией НКВД и Прокурора СССР 12 января 1938 г. Михаил Моисеевич Бляшко был приговорен к высшей мере наказания; расстрелян 27 января 1938 г.

Среди бывших нижегородских левых социалистов и анархистов выше всех по административно-партийной лестнице поднялся, пожалуй, уроженец Починок **Михаил Константинович Сенцов** (1.06.1895–18.09.1939), в 1912–1917 гг. *анархист-коммунист*<sup>33</sup>, а затем до конца жизни – коммунист-ленинец. В РСДРП (б) он вступил 1 июля 1917 г., вскоре после участия в работе I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, где он представлял солдат 203-го пехотного запасного полка (г. Орел)<sup>34</sup>. После Октябрьской революции 1917 г. М.К. Сенцов стал активным советским и партийным работником уездного, а затем губернского масштаба у себя на родине, в Нижегородской губернии. В 1918–1923 гг. он выполнял обязанности заместителя председателя Лукояновского уездного совета, председателя уездной ЧК и комиссара уездного продкомиссариата; председателя Макарьевского (Лысковского) уездного комитета РКП (б); заведующего отделом управления Нижегородского губисполкома<sup>35</sup>. Был делегатом X съезда РКП (б), участвовал в боях с кронштадтскими «мятежниками»<sup>36</sup>. В 1922 г. Михаил Константинович был делегирован на X Всероссийский, а затем на I Всесоюзный съезды Советов, которые положили начало Союзу ССР<sup>37</sup>. С 1923 г. М.К. Сенцова последовательно ставили во главе Иркутского, Новониколаевского, Ярославского губисполкомов; в это же время он был избран в члены ВЦИКа<sup>38</sup>. С октября 1928 г. по сентябрь 1929 г. он – зампредела совнаркома Крымской АССР, председатель Крымплана, кандидат в члены бюро Крымского обкома ВКП (б)<sup>39</sup>. Здесь он «очень успешно проводил... работу по ликвидации последствий контрреволюционной организации “вели-ибрагимовщины”<sup>40</sup>»<sup>41</sup>. В 1930–1931 гг. Михаил Константинович работал заведующим крайторготделами Дальневосточного и

<sup>32</sup> Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. 2209. – Оп. 3. – Д. 16370. – Л. 28.

<sup>33</sup> ГОПАНО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 5468. – Л. 41.

<sup>34</sup> ГОПАНО. – Ф. 244. – Оп. 2. – Д. 986. – Л. 31. – Кроме того, он был делегатом II, V–IX Всероссийских съездов Советов (см. там же. – Л. 8 (об)).

<sup>35</sup> Там же. – Лл. 2 (об), 21–22, 26.

<sup>36</sup> Там же. – Лл. 2 (об), 26. – М.К. Сенцов избирался также делегатом XVII съезда ВКП (б) в 1934 г. (там же. – Л. 29).

<sup>37</sup> Там же. – Л. 6 (об).

<sup>38</sup> Там же. – Лл. 2 (об), 35–36.

<sup>39</sup> Там же. – Л. 34. – Согласно справке историко-внешнеторгового управления Минвнешторга СССР, с 14 января 1928 г. по 11 декабря 1929 г. М.К. Сенцов возглавлял правление акционерного общества «Промэкспорт» (там же. – Л. 33).

<sup>40</sup> Вели Ибраимов – в первой половине 1920-х гг. председатель Особой тройки по борьбе с бандитизмом в Крыму, позднее – нарком Рабоче-крестьянской инспекции Крымской АССР. В 1924 г. избран председателем ЦИКа Крымской АССР. 28 января 1928 г. Вели Ибраимов был снят с поста председателя Крымского ЦИКа и выведен из состава этого органа; 8 февраля его арестовали в Москве. По приговору выездной сессии Верховного Суда РСФСР в Симферополе В. Ибраимов был приговорен к высшей мере наказания; расстрелян 9 мая 1928 г.

По одной версии следствие выявило связь бывшего председателя КрымЦИКа с антисоветскими элементами и бандитами, а также факт личной расправы В. Ибраимова с нежелательным свидетелем – бывшим красным партизаном Ибраимом Чолаком. См.: <http://www.sevastopol.ws/Forums/?file=viewtopic&t=1879>.

По другой версии В. Ибраимов пострадал за то, что относился к числу «татарских националистов, вождей революционного движения на полуострове», которые «выступили против переселения в Крым евреев и за культурно-национальную автономию крымских татар». См., напр.: <http://www.dergachev.ru/book-17/05.html>.

<sup>41</sup> Там же. – Л. 2 (об).

Восточно-Сибирского края<sup>42</sup>. В 1933 г., после учебы на высших курсах при ЦК ВКП (б), был назначен уполномоченным СНК СССР по определению урожайности в Донецкой области. В декабре 1936 г. М.К. Сенцова арестовали; он умер в тюрьме 18 сентября 1939 г.<sup>43</sup> По свидетельству жены М.К. Сенцова, Матильды Ивановны (она была репрессирована в 1938 г.), он «ни в каких оппозициях никогда не участвовал»<sup>44</sup>. Можно предположить, что причиной гибели бывшего анархиста стал эпизод, связанный с его служебной деятельностью в Крыму. «Весной 1929 года Сенцов М.К., – писала его жена, – будучи заместителем председателя Крымского Совнаркома АССР, выступил на партийном активе г. Симферополя с предложением о немедленной реализации Ленинского “завещания” по организационным вопросам»<sup>45</sup>. Военная Коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела дело М.С. Сенцова 14 апреля 1956 г. и отменила его «за отсутствием состава преступления»<sup>46</sup>.

Рассмотренные выше биографические данные некоторых видных в прошлом нижегородских левых эсеров и анархистов позволяют сделать следующие наблюдения.

Объектом репрессивных мер стали как те бывшие революционные активисты, которые через двадцать лет революции превратились в рядовых граждан, так и те, кто достиг в этот период солидных высот в государственно-партийном аппарате. При этом наличие партийного билета ВКП (б) и высокого статуса не являлись гарантией от ареста и гибели. Наоборот, причастность к большой политике вкупе с высокой занимаемой должностью (как в случае с М.С. Сенцовым) не давали обвиненному шанса на физическое выживание. Примечательно также то, что некоторые из репрессированных в 1936–1939 гг. на более ранних этапах своей политической карьеры сами выступали в качестве карательной инстанции в борьбе с разного рода «уклонами». Тот же М.К. Сенцов искоренял в конце 1920-х гг. «вели-ибраимовщину» в Крыму. Арестованный в январе 1938 г. начальник строительного треста «Волгостройвод» Станислав Владиславович Валенчевский в 1918 г. занимал должность заместителя председателя губернской ЧК (в это время он еще состоял в партии левых эсеров) и, судя по некоторым свидетельствам, применял меры физического воздействия при допросах обвиняемых<sup>47</sup>.

Более пожилые из репрессированных в конце 1930-х годов экс-революционеров (например, М.М. Бляшко) получили «богатый» тюремный опыт еще в царские времена, другие приобщились к революции, а заодно и к репрессиям, уже в послеоктябрьский период – как убежденные противники большевистского однопартийного режима. Возможно, именно проявленная некогда идейная стойкость в совокупности с развитыми навыками конспиративной работы (вплоть до личного участия в организации терактов) стали причинами неминуемой расправы с потенциальными противниками режима со стороны карательных органов.

Нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что «кадровые» анархисты и эсеры-интернационалисты испытывали вполне искреннее и глубокое разочарование в результатах активно поддержанной ими когда-то революции. В этом смысле они, действительно, могли высказывать недовольство «мероприятиями, проводимыми в стране», хотя, скорее всего, это были воспоминания о славном прошлом и мечты о «третьей революции», а не «контрреволюционные измышления». Потенциальные вдохновители и организаторы нового социально-протестного движения вряд ли могли быть терпимы сталинской руководящей группировкой и ее адептами на местах, поэтому бывшие «пламенные революционеры» подверглись радикальному истреблению.

*Editor: С.Л.Еремينا*

<sup>42</sup> Там же.

<sup>43</sup> Там же. – Л. 3.

<sup>44</sup> Там же. – Л. 3 (об).

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> Там же. – Л. 4.

<sup>47</sup> См., напр.: ГОПАНО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 43 (об).